

Платон и его учение у Сигизмунда Кржижановского (1887–1950)

ВАЛЕРИЙ ПЕТРОВ

СИГИЗМУНД ДОМИНИКОВИЧ КРЖИЖАНОВСКИЙ шутил: «По необразованию я философ». Это не вполне верно — он окончил юридический факультет Киевского университета, где философия преподавалась весьма основательно, и одновременно как вольнослушатель посещал занятия на историко-филологическом факультете. Уже первыми писательскими опытами Кржижановского стали философские эссе «Любовь как метод познания», «Идея и Слово», «Арго и Ergo», «В защиту познаваемого», «Как возможен метафизик», в которых ощущается влияние В. Соловьева, Бердяева, но прежде всего Канта, Фихте, Шопенгауэра, Платона. К 1919 году он делает выбор в пользу интеллектуальной прозы, в которой пытается «философствовать на языке образов» в традиции Вл. Одоевского, А. Белого, Е. Замятина.

Философские учения и теории, усвоенные в ранний период, становятся сюжетообразующими в его художественной прозе. При этом преобладающими оказываются влияния Канта и Платона. У ряда важных для Кржижановского авторов (В. Н. Карпов, А. Н. Гиляров, А. А. Козлов, Вл. Соловьев¹, С. Н. Трубецкой,

1. Ср.: «Два года тому назад он (В. С. Соловьев) приехал в Москву, уже больной, сдать рукопись перевода „Евтидема“ в типографию — его последний труд, который он не успел докончить, исправить и просмотреть. <...> Он находился под потрясающим впечатлением китайских событий. <...> Чувство приближающегося конца связывалось в нем с апокалиптическими представлениями... и он сравнивал... конец старого порядка в Европе с тем, что являлось ему концом великой магистрали европейской „всеобщей истории“. „Как же при этом заниматься Платоном, если конец Европе настает, — сказал я ему полушутя, — стоит ли это делать, если китайцы все возьмут?“ — „Этим стоит заниматься, — отвечал он, — надо,

Вл. Эрн²) значение Платона не сводилось лишь к историко-философскому. Показательна позиция А. Н. Гилярова (1856–1938), заглавие книги которого «Платонизм как основание современного мирозерцания» (1887) предвосхищает позднейший афоризм Альфреда Уайтхеда о европейской философии «как серии примечаний к Платону»³.

К Платону Кржижановский обращался на протяжении всей своей жизни. Примечательно, что свой первый опубликованный рассказ «Якоби и якобы» писатель рассматривал как философский диалог⁴.

чтобы было еще что брать! То, что сделано европейскими народами... это погибнет... а делание греков было в области вечных форм истины и красоты... это останется⁴. И мысль о сделанном переводе возвращалась к больному вместе с образами китайцев: он видел во сне Ли-хун-Чана, который говорил ему по-гречески: ἦματί κεν τριτάτω Φθίην ἐρίβωλον ἴκοιο» (*Трубецкой С. Н.* Предисловие // Творения Платона / Пер. с греч. Вл. Соловьева, М. С. Соловьева и С. Н. Трубецкого. М., 1903. Т. 2. I–VI). См.: *Платон*. Критон. 43с–44б; *Гомер*. Илиада. IX. 363.

2. Ср.: «Юность духа делала В. Ф. философским поэтом Эроса и Афродиты. <...> Эта юность была тоже мужская. Здесь есть что-то античное платоно-алквадовское. <...> Есть какой-то глубокий смысл не только в том, что В. Ф. высшим замыслом своей жизни, который согрел изнутри и осмысливал все его работы, почитал книгу об Афродите Небесной. <...> Явление Эрна с его усиливавшейся тягой к Платону и эллинству, с его моноидеизмом о Платоновой музе, с его видением Афродиты» (*Булгаков С. Н.* Памяти В. Ф. Эрна. Речь на заседании Московского религиозно-философского общества... 22 мая 1917 года // Христианская мысль. 1917. № 11–12. С. 62–68 [цит. по: В. Ф. Эрн: pro et contra / Сост., вступ. статья, коммент. А. А. Ермичева. СПб.: РХГА, 2006. С. 644–647]); «[его] самой интимной мечтою... была книга об Афродите Небесной, лике Вечной Женственности, открывшемся эллинству» (*Он же*. Афродите-Деметре. Памяти В. Ф. Эрна, скончавшегося 29 апреля 1917 года // Ветвь. Сб. клуба московских писателей. М.: Северные дни, 1917. С. 264).
3. Ср.: «Платон основал философское направление, известное под именем рационализма, или идеального реализма, которое сказывается с одинаковой силой как у французских мыслителей с Декартом во главе, так и у немецких — у Вольфа, Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля, Шлейермахера, Шопенгауэра, Гартмана и т. д. Не зная идеологии Платона, нельзя с исторической отчетливостью уразуметь ни систем Декарта, Спинозы, Мальбранша и Лейбница, ни критик Канта, ни абсолютного идеализма Фихте и абсолютного панлогизма Гегеля, ни Шеллинговых, Шопенгауэровых и Гартмановых идей и т. д.» (*Гиляров А. Н.* Платонизм как основание современного мирозерцания в связи с вопросом о задачах и судьбах философии. М., 1887. С. 331 [цит. по.: Платон: pro et contra. Платоническая традиция в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. СПб.: Изд-во РХГА, 2001. С. 331; а также с. 336, 360–363]. См. также: *Котельникова О. М.* Учение о непосредственном знании в философии Фр. Г. Якоби // Мысль. Журнал Петербургского философского общества. 1922. № 1. С. 113–114.
4. *Кржижановский С.* Якоби и якобы // Зори. 1919. № 1. Автор укрылся под псевдонимом Frater Tertius [С. Кржижановский]. Сокращенное переиздание: *Кржижановский С.* Якоби и якобы // Гостиница для путешественников в

Особенности цитирования источников у Кржижановского. Прежде чем искать соответствия для «платоновских» отрывков у Кржижановского в диалогах Платона, следует сказать об особенностях цитирования им источников. Прежде всего нужно помнить, что мы имеем дело не с научными работами, а с художественной прозой. Несмотря на значительное место, которое философия и наука занимают в мировоззрении Кржижановского, на первом месте в его системе координат стоит сочинительство. Даже если философские, научные и прочие теории сформировали его мирозерцание в юности, рассматриваемые тексты являются продуктом писательского труда, а не результатом профессиональной работы философа или ученого. Как правило, Кржижановский приводит те или иные философские и научные концепции в свободной манере, по памяти. При этом, воспроизводя некую идею или положение, Кржижановский иногда ошибается в атрибуции, путает названия сочинений или даже их авторов. Как правило, он верно излагает суть некоей теории, но может ошибаться в деталях. Это видно уже в самых ранних сочинениях, когда и университетская выучка еще не выветрилась, и память была свежа. Иногда автор затевает особого рода игру с читателем: дает точную ссылку (к примеру, на Лейбница) — титул, издание, страница, — но приводимая цитата с очевидностью свидетельствует о том, что автором ее является сам Кржижановский. Или, как в случае изречения Пиндара «Человек — сон тени» (которое он мог вычитать из сочинений Вячеслава Иванова, где оно неоднократно встречается), Кржижановский приводит стихотворную строку, но при этом не переводит ее с греческого, как можно было бы предположить, но просто сочиняет ее. Возможно, сознательное пренебрежение точностью цитирования⁵ и конструирование вымышленных цитат, затем приписываемых знаменитым авторам, для Кржижановского, помимо прочего, могло быть подражанием сходной практике у Платона⁶. Однако у писателя присутствуют и ненамеренные

прекрасном. 1924. № 1 (3). С. 10–12. Под рассказом стоит подпись — *Frater Tertius*, однако в списке авторов на обложке номера значится «Кржижановский». См. также его более поздний «Разговор о логике с социал-демократом» в сб. ст. В. Эрн «Борьба за Логос».

5. Ср.: Платон. Теэтет. 184с. Гиляров перефразирует эту мысль Платона так: «Хотя мысль и должна быть выражена по возможности определенно, но неразборчивая погоня за точностью — признак неблагородного воспитания» (см.: Гиляров А. Н. Источники о софистах. Платон как исторический свидетель. Опыт историко-философской критики. I. Методология и свидетельства о философах. Киев, 1891. С. 63).
6. Об этой практике Кржижановский наверняка знал от В. Н. Карпова. Ср.: Сочинения Платона, переведенные с греческого и объясненные проф. [В. Н.] Карповым: В 6 т. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1863–1879 Т. 4. С. 25. Прим. 1

ошибки в цитировании и атрибуции, обусловленные внешними обстоятельствами — болезнью, тяжестью бытовых условий, манерой работы. Со времени переезда из Киева в Москву в 1922 году и до самой смерти Кржижановский жил в крохотной комнатухе-пенале, выгороженной из коммунальной квартиры⁷. О том, чтобы иметь рабочий кабинет или справочную литературу под рукой, не могло быть и речи. При жизни его сочинения (за отдельными исключениями) так и не были опубликованы, с годами прогрессировала болезнь, слабела память, падал интерес к жизни (последние десять лет он уже ничего не писал). Отсылки к одному и тому же сюжету, которые в ранних трудах еще точны или по крайней мере правдоподобны, в поздних становятся совершенно фантастическими. Наконец, нужно учитывать и технику работы Кржижановского, который предпочитал не записывать, но надиктовывать свои сочинения (вместе с оговорками).

Все сказанное делает понятным, что установление источников, цитируемых Кржижановским, часто бывает сложной задачей. Вот лишь один пример, непростой для идентификации «историко-философской» отсылки у Кржижановского: «я... натолкнулся на изречение старого неоплатоника: „Почему боги несмысленному ворону дают жить сотни лет, а мне, философу, постигающему блага, бросили только жалкую горсть годов?“»⁸. Поиск искомой фразы в текстах неоплатоников будет напрасен. Источником писателя в данном случае являются «Тускуланские беседы» Цицерона, который приписывает искомую фразу Теофрасту:

Аристотель... думает, будто и впрямь за немногие годы он так продвинул философию, что она вскоре уже должна достигнуть совершенства. И Теофраст, умирая, жаловался на природу, что *воронам* и оленям она дала долгую жизнь, которая им совсем не нужна, а человеку — такую короткую, хотя она ему очень нужна: если бы человек мог жить дольше, он мог бы украсить людскую жизнь совершенным знанием всех наук. Вот он и жалуется, что должен умереть как раз тогда, когда что-то завиднелось впереди⁹.

(к «Федру» 230e sq.); Т. 4. С. 66 (прим. к «Федру» 252b); Т. 4. С. 106. Прим. 1 (к «Федру» 274cd); Т. 2. С. 479 (прим. к «Алкиаду второму» 49cd).

7. *Бовшек А. Г.* Глазами друга. Материалы к биографии Сигизмунда Доминиковича Кржижановского // Сигизмунд Кржижановский. Возвращение Мюнхгаузена. Л.: Худ. лит., 1990. С. 486; *Семтер Н. Е.* Человек из Небития. Воспоминания о С. Д. Кржижановском. 1942–1949 // Там же. С. 563.
8. *Кржижановский С.* Драматургические приемы Бернарда Шоу (1934) // Кржижановский С. Собр. соч.: В 6 т. СПб.: Symposium; М.: b. s.g.press, 2001–2010. Т. 4. С. 509.
9. Ср.: *Цицерон.* Тускуланские беседы. III. XXVII. 69. Пер. М. Гаспарова. Ср.: *Сенека.* О скоротечности жизни. I. 2.

Теофраст (372–287), ученик Платона и Аристотеля, жил задолго до неоплатоников. Тем не менее, как можно видеть, несмотря на ложную атрибуцию, Кржижановский сохранил суть сентенции.

Но перейдем к Платону и рассмотрим три темы: 1) знание Кржижановским доксографических сведений о Платоне; 2) прямое обращение Кржижановского к Платону, его диалогам и отдельным теориям; 3) использование Кржижановским 6-томного собрания сочинений Платона в переводе и комментариях В. Н. Карпова.

Как уже говорилось, отсылки к Платону большей частью представляют у Кржижановского вольный парафраз или даже вариации на тему. Однако, как мы покажем ниже, при всей свободе обращения с материалом почти всегда автор имеет в виду реалии, легко опознаваемые читателем, сведущим в учении Платона.

1. ДОКСОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

1.1. Уже в первом опубликованном рассказе, который Кржижановский определил как философский диалог, автор упоминает Платона:

Мысль Платона не начинала еще своего полета, когда носитель ее был пророчески назван: Платон — πλάτῶς ¹⁰, то есть *Широкий*. И знаешь... На севере родится мыслитель¹¹: вся жизнь его будет порывом к выходу из узких русл: партий — народа — исповедания. Он умер в с. Узком¹².

В 1936 году в одной из тематических заявок для издательства *Academia* Кржижановский запишет: «Предание о „сожженной трагедии Платона“: мышление как *разговор двух разговоров*»¹³. В другом месте он замечает:

10. В рукописях (= в машинописи) Кржижановского иностранные (латинские, греческие и пр.) слова нередко написаны с ошибками. Подобные огрехи исправляются нами без специальных оговорок.
11. Речь идет о Владими́ре Соловьёве, который скончался 31 июля 1900 года в имении князей Трубецких — в селе Узком.
12. *Кржижановский С.* Якоби и якобы (1919) // Собр. соч. Т. 1. С. 112.
13. *Он же.* Философия и стилистика (1936) // Там же. Т. 5. С. 283. Применительно к формуле «разговор двух разговоров» (которая стала заглавием еще одного философского диалога Кржижановского, см.: Там же. Т. 1. С. 385) следует отметить, что у Карпова понятие «диалог» передается словом «разговор». Ср. также: «В *Федре* божественная любовь рассматривается так, что из нее выводятся и объясняются причины и условия любви земной; а в *Симпосионе*, наоборот, показывается, каким образом человек под руководством Эроса должен от прекрасного земного постепенно возвышаться к созерцанию прекрасного божественного. Посему

Платон, который после встречи с Сократом, как сообщает предание, *бросил в огонь* свою юношескую *пьесу* и стал писать диалоги, по существу не отказался от драматургии: диалог — это есть основа, зерно драматического действия¹⁴.

Затруднительно сказать, из каких источников черпал Кржижановский сведения о Платоне. В его распоряжении было достаточно историко-философской литературы. Помимо литературы общего плана он, в частности, использует вводные статьи и примечания В. Н. Карпова из 6-томного собрания сочинений Платона, работы В. Виндельбанда, А. Н. Гилярова и др. Приводимые здесь писателем сведения восходят к пассажу из Диогена Лаэртского (на которого в другом месте Кржижановский тоже ссылался)¹⁵.

Широкий лоб станет признаком персонажей-философов в прозе Кржижановского. Такова отличительная черта осла-философа, родившегося от союза философии и теологии, а именно от Буриданова осла («схемы») и ослицы Валаамовой из библейской Книги Чисел («мифа»)¹⁶. Широким лбом наделен Пурвапакшин — человек-схема, логический оппонент из индийских философских трактатов, который появляется в «Швах» и «Красном снеге»¹⁷. Широкий лоб у даосского философа Фу Ги¹⁸. О «контуре лба» говорится применительно к убитому во время красного террора философу из стихотворения «Мирозозерцание под пулями» (см. ниже 2.2.6). В другом сочинении, насыщенном отсылками к античной философии, философ еще раз определен как тот, чей лоб шире плеч:

Солдат: Говорят, что петух, после того как потопчет курицу, становится грустен¹⁹. Это тема для философов, но не для солдат.

один из этих разговоров служит как бы дополнением и проверкой другого» (Карпов В. Н. Введение к «Пиру» // Сочинения Платона... Т. 4. С. 142).

14. Кржижановский С. Фрагменты о Шекспире (1939) // Собр. соч. Т. 4. С. 363.
15. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. III. 4, 3–6, 1 / Пер. М. Л. Гаспарова. Ср.: Виндельбанд В. История древней философии. Киев: Тандем, 1995 [1893]. С. 152; Сочинения Платона... Т. 1. С. 2–3.
16. «Осел Буридана уперся лбом в дилемму... он умер смертью философа» (Кржижановский С. История пророка // Собр. соч. Т. 1. С. 103–104); «с черной отметинкой на ширококостном, просторном, философического склада лбу» (Там же. С. 104). Ср.: «Образ — осел, сын Буриданова осла и Валаамовой ослицы — схемы и мифа. <...> От матери он унаследовал пророческий дар, от отца — раздвоенность метафизики» (Бовшек А. Г. Заметки к «Сказкам для вундеркиндов» // Кржижановский С. Собр. соч. Т. 5. С. 518).
17. Кржижановский С. Швы (1928) // Собр. соч. Т. 1. С. 401–402; Он же. Красный снег // Там же. Т. 5. С. 160.
18. «Росла голова Фу Ги, раздвигая кости темени и лба» (Он же. Фу Ги // Там же. Т. 1. С. 195).
19. Известный тезис о том, что «всяк после соития бывает печальным», восходит

Но вот вчера я гнал партию философов. И был среди них один... щуплый человечек, *в плечах лба поуже*. Но он говорил, будто весь наш мир — это бегство, отчего и почему — я не понял. Хорошая философия для полководцев²⁰.

Концепция бегства из мира, которую переврал солдат, отсылает к диалогу Платона «Тэтет» (см. ниже 2.5.2).

Возможно, Кржижановский задумывался над своеобразной противонаправленностью жизненных траекторий: Платон после встречи с Сократом отказался от чистого писательства и перешел к философии (хотя и запечатлел ее в текстах, ставших вершиной древнегреческой прозы); напротив, Кржижановский двигался от философских эссе к художественной прозе (которая является одной из самых философичных в русской литературе его времени)²¹.

1.2. Еще один пример знакомства Кржижановского с доксографией, относящейся к Платону, предоставляет поздняя пьеса «Тот третий»:

И Диоген, бросивший ощипанную курицу к ногам Платона²² со словами *Се человек* (Диоген Лаэртский), и Пилат, указывавший толпе *Се человек*, — оба (по-своему, конечно) были правы,

к Аристотелю, ср.: «После любовных утех большинство [мужей] утрачивает пыл», *μετὰ τὰ ἀφροδίσια οἱ πλείστοι ἀθυρότεροι γίνονται* (Аристотель. Проблемы. 955. а23–24). В латинской традиции максима видоизменяется и удлинняется: *omne animal post coitum triste praeter gallum mulieretque*, «После соития все живое подавлено, кроме петуха и женщины». Таким образом, Кржижановский верно припомнил петуха, но напутал относительно его повадок: ученые мужи утверждают, что петух после соития не печалится, но, напротив, поет. Ср.: *Solus gallus cantat post coitum* (Franzius. 405).

20. Кржижановский С. Тот третий (1937) / Собр. соч. Т. 5. С. 121.

21. Ср.: «До 18-го года не писал беллетристики, считая низшим родом. Перед беллетристкой — ряд статей философского характера — „В защиту познаваемого“ и „Как возможен метафизик“» (Бовшек А. Г. Заметки к «Сказкам для вундеркиндов». С. 519); «Для понимания Кржижановского и нового жанра нужно помнить: до 30 лет (до 1918 года) Кржижановский был философом» (Она же. С. Кржижановский // Кржижановский С. Собр. соч. Т. 5. С. 520); «Что сделал Кржижановский? — Две стороны медали. С одной: 1) Взнуздан философией беллетристику. — Показал, что нет образов, которые не имели бы глубочайшего философского смысла („Квадратурин“). 2) Транспонировал — с другой — философские схемы в план образа. Отличие от Ницше. — Ницше транспонировал Кантову „Критику практического разума“ на образ; Кржижановский — „Критику чистого разума“, то есть вопросы гносеологии и онтологии» (Там же. С. 520–521).

22. Примечание Кржижановского к этому месту: «Платон определял человека как „двуногое без перьев“».

но первый резюмировал по внешней форме, второй — по внутреннему существу²³.

У Лаэртция этот анекдот звучит так:

Когда Платон дал определение, имевшее большой успех: *Человек есть животное с двух ног, лишённое перьев*, Диоген ощипал петуха и принес к нему в школу, объявив: *Вот платоновский человек!* После этого к определению было добавлено: *И с широкими ногами*²⁴.

Характерно, что у Кржижановского ассоциативным звеном между происходившим с Платоном и Пилатом (Ин 19:5) становится словесная формула *Ессе homo*, соответствующая акту определения человека.

2. ЗНАНИЕ КРЖИЖАНОВСКИМ ОТДЕЛЬНЫХ ДИАЛОГОВ ПЛАТОНА

Перейдем к рассмотрению того, к каким сочинениям Платона отсылают художественные и теоретические работы Кржижановского, группируя их сообразно соответствующим диалогам.

2.1. «Федон».

К «Федону» 64а и 118а отсылают следующие отрывки у Кржижановского:

О людях, заболевших... миром. Да, есть и такая болезнь. И не о ней ли сказал Сократ: *Философствовать — значит умирать?*²⁵

Вспоминая в своем диалоге *Федон* о смерти учителя, обвиненного в развращении юношества и отрицании бытия богов, Платон приписывает Сократу, уже принявшему цикуту, следующую заключительную фразу всей его жизни: *Не забудь принести в жертву Эскулапу петуха*. Петуха приносили в жертву богу-целителю в благодарность за излечение²⁶.

2.2. «Государство» и «Тимей».

2.2.1. «Государство» Платона всегда находилось в фокусе интересов русских читателей. Красноречивое свидетельство тому предоставляет соответствующий (третий) том хранящегося в РГБ

23. Кржижановский С. Поэтика заглавий // Там же. Т. 4. С. 26.

24. Диоген Лаэртский. Указ. соч. VI. 40. 5–9. Пер. М. Л. Гаспарова.

25. Кржижановский С. Четки (1921) // Собр. соч. Т. 1. С. 169.

26. Он же. Фрагменты о Шекспире (1939) // Там же. Т. 4. С. 363.

платоновского шеститомника в издании В. Н. Карпова, на котором буквально не осталось места от пометок многих поколений читателей, то предлагающих варианты перевода и поправки, то ставящих пометы вроде *NB!*, то отчеркивающих важные места чернилами или разноцветными карандашами (розовым, красным, синим, серым), так что неотчеркнутых страниц в итоге не осталось, и пр. Принципы устройства идеального платоновского государства были известны интеллигентным людям далеко от столиц²⁷.

В одной из своих последних статей — «Страны, которых нет» (1937) — Кржижановский, смешивая «Государство» и «Тимей», в вольном пересказе соединяет несколько тем:

Платон (428–347 годы до н. э.) написал относимый к позднему периоду его творчества *пространный диалог с подзаголовком: «О справедливости»*. Тема: построение идеального государства. Государство это должно быть *подобно человеческому организму*, главными органами которого являются *мозг, сердце и печень*. *Добродетелью мозга (точно цитирую философа) является мудрость*²⁸; сердца — храбрость; печени и связанного с ней пищеварения — умеренность. Сообразно с этим платоновское государство распадается на *три сословия*: философов, управляющих государством; воинов, защищающих его; земледельцев и ремесленников, отдающих первым двум сословиям продукты своей работы и оставляющих себе лишь самое необходимое. *Схема эта* — через много веков — при феодальном строе получила некое подобие осуществления. Были и воины, и проникнутый «добродетелью умеренности, разбитый на цехи» класс ремесленников и холопов. Не хвата-

27. Анатолий Мариенгоф вспоминает, как в период «военного коммунизма» беседовал с директором своей пензенской гимназии С. А. Пономаревым, пытаюсь примириться с новым мироустройством, указывал на аналогии у Платона и Аристотеля: «Если толком разобраться во всем, что происходит... можно прийти к выводу, что большевики осуществляют великие идеи Платона и Аристотеля. „Все доходы граждан контролируются государством“ <...> Так это же Платон!.. „Граждане получают пищу в общественных столовых“. <...> И это Платон! А в Фивах, как утверждает Аристотель, был закон, по которому никто не мог принимать участия в управлении государством, если в продолжение десяти лет не был свободен от занятия коммерческими делами... Разве не правильно? Какие же государственные деятели из купцов? Мошенники они все, а не государственные деятели!» (См.: *Мариенгоф А. Мой век, мои друзья и подруги // Мой век, мои друзья и подруги: Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова / Сост. С. В. Шумихина, К. С. Юрьева. М.: Московский рабочий, 1990. С. 75*). Пройдет десяток лет, и Кржижановский приравняет социальные утопии к тяжелым ночным кошмарам («Боковая ветка»).
28. Здесь Кржижановский, скорее всего, вспомнил формулировку из «Истории древней философии» В. Виндельбанда: «уму (ἡγεμονικόν) соответствует добродетель мудрости», см. цитату *ниже*.

ло только одного: мудрецов. Времена были темные, культура су-
меречная. Вместо философии — слепая вера и изуверство²⁹.

Из приведенной цитаты следует, что Кржижановский имел представление о хронологии сочинений Платона, о жанровой принадлежности «Государства». Как это бывает у него, в пересказе, повествующем о подобии платоновского государства человеческому организму, соединены темы нескольких разделов «Государства» и «Тимея»³⁰. При этом изложение отмечено характерным постшопенгауэровским физиологизмом, который являлся особенностью философии конца XIX — начала XX веков. Писатель отмечает трехчастность социального устройства платоновского «Государства», связывая его со Средневековьем.

Приведенный выше отрывок из «Стран, которых нет» может быть инспирирован работами В. Виндельбанда «Платон» и «История древней философии». Из последней книги Кржижановский мог узнать о том, что в начальной редакции «Государство» представляло собой диалог «О справедливости»³¹. Там же Виндельбанд пишет о тройной аналогии «органы тела — добродетели — сословия государства» (рассуждение, которое у самого Платона разнесено на множество страниц)³². Сводку платоновского учения о трех сословиях Виндельбанд дает также в книге «Платон»³³.

2.2.2. Вероятно, от Виндельбанда Кржижановский отправляется, когда пишет:

Еще Аристотель сказал, — медитировал я, — что общество — это «большой человек»³⁴.

Я думал, что путаные медитации мои об аристотелевских большом и малом человеке распутали теперь для меня все свои узлы: теперь я, *микрочеловек*, познал *макрочеловека* до конца³⁵.

В качестве ближайшего источника писателя можно указать процитированный в разделе 2.2.1 отрывок о трех сословиях из кни-

29. Кржижановский С. Страны, которых нет (1937) // Собр. соч. Т. 4. С. 133–134.

30. См.: Платон. Государство. 464b; 427e; 487a; 580d; 473d; Тимей 70ab; 70d–71a; 73a.

31. Виндельбанд В. Указ. соч. С. 158–161.

32. Там же. С. 178 и 180. Ср.: Трубецкой Е. Н. Политические идеалы Платона и Аристотеля в их всемирно-историческом значении // Вопросы философии и психологии. 1980. № 4. С. 9.

33. Виндельбанд В. Платон / Пер. с нем. А. Громбаха. СПб., 1900. С. 165–166. Ср.: Карпов. Введение к «Государству», IX // Сочинения Платона... Т. 3. С. 442.

34. Кржижановский С. Странствующее странно (1924) // Собр. соч. Т. 1. С. 301.

35. Там же. С. 342.

ги В. Виндельбанда «Платон»³⁶. В характерной для него манере Кржижановский неверно указал автора (вместо Аристотеля должен быть Платон), но верно воспроизвел его мысль. Причиной ошибочной ассоциации с Аристотелем могла стать контаминация платоновской философии с политической философией Аристотеля и его знаменитым тезисом о том, что «общество существует от природы, и человек есть общественное животное»³⁷.

2.2.3. В эссе «Любовь как метод познания» Кржижановский замечает, что даваемое любовью ощущение мира — это прежде всего радость, а значит, основа мира радостна, и очищенное познание сознает, что *мир есть кристаллизованное благо или идея блага, воплотившаяся во множестве*, затемненная нашим несовершенством. Точка зрения на мир как на проявление идеи блага, замечает писатель, высказана впервые Платоном в «Государстве» (508e–518e)³⁸.

2.2.4. Другой отсылкой к «Государству» является фрагмент из тематической заявки «Философия и стилистика», из которой следует, что Кржижановский, в частности, намеревался писать о стиле платоновских диалогов. Среди прочих тем он намечает:

Эзотеризмы и экзотеризмы. Истина — для избранных. А именно: для *избранных истиной...* Экзотический стиль истины. Короче, стиль, занавешивающий истину, прячущий ее от «непосвященных». Пример: Шлейермахер, который, переводя диалог Платона «О справедливости», наткнулся на зашифрованное место (пифагореизмы), прекратил перевод и «задумался на целых одиннадцать лет» (примечание о Шлейермахере)³⁹.

Упоминание Кржижановским Шлейермахера, занявшегося дешифровкой пифагореизмов, инспирировано примечанием В. Н. Карпова к «Государству»: «...ссылаюсь на Шлейермахера, который

36. Ср. также: «Общество, по учению Платона, есть не что иное, как образ или собирательное выражение одного человека» (Сочинения Платона... Т. 3. 229 (к «Государству», 435e); «Если общество есть в некотором роде увеличенный образ человека, то сам человек, созданный по подобию универса, есть уменьшенный образ универса — микрокосм» (Карпов В. Н. Введение к «Тимею» // Там же. Т. 6. С. 348).

37. Аристотель. Политика. I. 9. 1253a.

38. Кржижановский С. Любовь как метод познания (1912) // Собр. соч. Т. 5. С. 489. Ср.: «Задача „Тимея“... состоит в том, чтобы вывести из идеи высочайшего блага устройство мира и человеческой природы» (Карпов В. Н. Введение к «Тимею». С. 349).

39. Кржижановский С. Философия и стилистика (1936) // Собр. соч. Т. 5. С. 282–283 (в издании: «примечание» Шлейермахера»).

столь долго старался проникнуть в истинный смысл так называемого Платонова числа, что, доведши перевод Платона до этого места, прекратил его для этой цели на двенадцать лет...»⁴⁰.

В целом же Кржижановский имеет в виду восходящий к пифагорейской школе эзотеризм платоновской традиции (по преданию, Пифагор запрещал своим ученикам открывать посторонним свое учение). Позднее, подразумевая неопифагорейцев, Ямвлих будет сообщать, что учение Пифагора записывалось так, что было непонятно непосвященным: доктрину, изложенную в кратких «символах»-афоризмах, требовалось разворачивать в специальных комментариях. Из доступных Кржижановскому авторов о проблеме экзотерического и эзотерического учения у Платона писал, в частности, В. Н. Карпов⁴¹.

2.2.5. В той же тематической заявке «Философия и стилистика» Кржижановский намеревался рассуждать о месте и роли мифа в философии: «Образные примеры в философии. Метафоры в метафизике. Образ «пещеры» Платона. Мифы о Лете, цикадах и т. д., которыми заканчивается почти каждый его диалог»⁴². В самом деле, о реке Лете Платон говорит в конце «Государства» (Сон Эра)⁴³, о цикадах — в конце «Федра». Миф о «пещере» рассказывается в кн. VII «Государства»⁴⁴.

Пещера Платона упоминается Кржижановским также в рассказе «Боковая ветка», где речь идет, помимо прочего, о производителях социальных утопий, причем утопии приравнены к тяжелым ночным кошмарам⁴⁵. В незаконченных фрагментах к роману «Тот третий» у Кржижановского имеется новелла о трех сестрах-парках — Лахезис, Клото и Атропос⁴⁶, которая представляет собой вольную импровизацию на тему мифа об этих трех мойрах в «Сне Эра» из «Государства» Плато-

40. Сочинения Платона... Т. 3. С. 404. Прим. 1 (к Государству. VIII. 546a–547a, где говорится о «совершенном числе»).

41. См.: Там же. Т. 1. С. 24–29. Ср.: Там же. С. 8.

42. Кржижановский С. Философия и стилистика (1936) // Собр. соч. Т. 5. С. 289.

43. Платон. Государство. 621ac.

44. Там же. VII. 514a–517d.

45. «Легкий сон не выдерживает трения о действительность, сонная греза изнашивается быстрее носков, связанных в одну нитку, в то время как полновесный тяжелый сон, просто, но хорошо сработанный кошмар, легко ассимилируется с жизнью. Если не отягченный ничем сон исчезает, как капля в песке, то видение сна, несущее в себе некую жесткость и твердость, испаряясь под солнцем, оставляет на своде пресловутой платоновской пещеры свое жесткое зерно: осадок нарастает на осадок, постепенно нависая сверху мечевидными сталактитами» (Кржижановский С. Боковая ветка (1927–1928) // Собр. соч. Т. 1. С. 493).

46. Он же. Фрагменты к роману «Тот третий» (1929) // Там же. Т. 5. С. 249–254.

на⁴⁷. Характерно, что завершение новеллы отсылает к мизансцене из пролога «Федра (см. ниже 2.4.1).

Как представляется, сама постановка проблемы места и функции мифа в философии восходит у Кржижановского к пространному обсуждению этого вопроса в «Платоне» Виндельбанда (глава «Богослов»). Рассуждения Виндельбанда открывают нам контекст размышлений Кржижановского о проблеме мифа в философии (миф есть средство изложения религиозного учения)⁴⁸; они же объясняют причины обнаруживаемой у Кржижановского связи между метафизикой и мистериальной практикой и ее культом — обрядами инициации и очищения, которые в итоге отождествляются у него с христианским богослужением и таинством евхаристии⁴⁹. К указанным страницам Виндельбанда восходит и сюжет рассказа Кржижановского «Страна нетов» (1922), который, говоря словами Виндельбанда, можно трактовать как «метафизическую историю души» или как повествование от лица «человека бытия», описывающего катабасис обитателя мира существ в миры теневого (чувственного и загробного) бытия.

2.2.6. Еще один отзвук финала «Государства» Платона мы находим в стихотворении Кржижановского «Миросозерцание под пулями» (1919)⁵⁰, запечатлевшем события революционного террора. Автор использует в нем образ семи- или восьмиорбитной «лиры мира»:

Дома к домам прижали камни тесно.
Шел человек и отсвет мира нес.
В его мозгу: созвучья сфер небесных
И близкий стук извозчичьих колес.
...Пять ненавидящих ощупали глазами
Холодный контур лба. Зрачки нашли зрачки.
(«Тот против нас, кто не идет за нами»,
Пять ружей вскинуты и взведены курки.)
Мир не погиб: померк лишь отсвет мира...
Все те же фонари. Залп. Ругань. Стук шагов.
Над мыслью — гимн *семиорбитной* Лире.
Над трупом — пять дымящихся стволов.

47. Платон. Государство. 616с–621а. Ср.: Законы. XII. 960сd.

48. Виндельбанд В. Платон. С. 129–134.

49. См. в «Философеме о театре» (1923) рассуждения о мистериях и «людях бытия» (метафизиках), предпочитающих мистерии (Кржижановский С. Собр. соч. Т. 4. С. 55–57).

50. Он же. Стихи. Тетрадь 1 (машинопись, дореформенная орфография). Л. 22 // Тетрадь 2 (рукописная) «Миросозерцание под пулями» (Л. 61–63) датировано: «10 марта н. ст. 1919 г.».

В архаичном образе семи планетных сфер можно было бы усмотреть теософский подтекст, характерный для первых десятилетий XX века (как и применительно к упоминанию Кржижановским о неопитах и посвящении), однако, как и в иных случаях⁵¹, писатель воспроизводит космографические и космологические представления Платона из финала «Государства»⁵². Отсюда и «лира» (у греков лира-хелис, как правило, была семиструнной). Согласно Платону, Луна, Солнце, Венера, Меркурий, Марс, Юпитер и Сатурн образуют семь концентрических сфер, восьмая — сфера неподвижных звезд. В стихотворении платоновским является параллелизм двух миров (умопостигаемого и телесного)⁵³, представление о здешнем бытии как «смутном отсвете» истинного мира (который существует в сознании/мозгу философа, убитого во время вечерней прогулки, а также, видимо, пребывает *per se* в звездной выси). Заслуживают внимания сохранившиеся в рукописи варианты: зачеркнуты а) «осмиструнная Божья лира», подразумевающая христианскую космографию с ее звездной твердью, и б) «вселенская вечная лира» Платонова космоса⁵⁴. Автор остановился на «гимне семиорбитной лиры», что сохраняет представление о небесной гармонии («гимн»), но модернизирует античный образ посредством замены «сфер» на «орбиты». Возможно, это также означает переход от платоновской геоцентрической системы к системе гелиоцентрической. Во всяком случае спустя два года Кржижановский упомянет о «семиорбите Солнца»⁵⁵, что помещает Солнце в центр вселенной, но сохраняет древнее представление о семернице планет (Урану, Нептуну и Плутону здесь места нет, но за Луной оно сохраняется).

2.2.7. Фраза из «Записных тетрадей» Кржижановского «в главе „Иерархии идей“ Платона — не идея блага, как думалось филосо-

51. Ср.: «Души звезд праведны, и оттого орбиты их правильны» (Он же. Катастрофа (1919–1922) // Собр. соч. Т. 1. С. 125). Здесь подразумевается античное представление о божественности и разумности звезд, проявляющемся в их сферичности и совершенстве их кругового движения.

52. О восьми небесных сферах говорится в «Сне Эра» (Платон. Государство. X. 616c–617b). Текст Платона в этом месте подробно откомментирован В. Н. Карповым, см.: Сочинения Платона... Т. 3. С. 517. Прим. 2 (к «Государству», 616c); С. 518. Прим. 1 (к 616e); Там же.

53. Ср.: «Улица. Двое, идя друг вслед другу, шагают по булыжникам. Первый — видит себя меж двух рядов фонарных огней. Второй — находит себя мыслью, идущим меж звезд. Оба правы. Мне неинтересно, куда идет первый, но знаю: второй, куда бы он ни шел, идет и в философию» (Кржижановский С. Философема о театре (1923) // Собр. соч. Т. 4. С. 43 (поправлено по: РГАЛИ. Ф. 2280. Оп. 1. Ед. хр. 34. Л. 3).

54. Варианты: 1) «И осмиструнная гармония божьей лиры / Лучами звезд скользит из мира слез»; «И лишь гармония вселенской вечной лиры, / Гонимая землей, бежит из мира слез».

55. Кржижановский С. Квадрат Пегаса (1921) // Собр. соч. Т. 1. С. 101.

фу, а идея *пользоваться чужими идеями*»⁵⁶, может быть инспирирована следующим замечанием В. Н. Карпова:

Упрекают Платона и в том, что он вносил в свои творения чужие мысли, даже чужие сочинения, что все его разговоры суть просто компиляции, что его *Тимей* есть список древней рукописи Тимея, что его *Государство* — не что иное, как переработка Протагорových антилогий, что он весьма много заимствовал у комика Эпихарма и для той же цели купил три книги Пифагорových. Но если Платон и *пользовался чужими мыслями*, то пользовался как гений, который, собирая материалы, дает им собственную форму и творит новое, оригинальное, неподражаемое⁵⁷.

2.3. «Пир».

Мотивы платоновского «Пира» возникают в виде прямых цитат и как аллюзии в теоретической работе Кржижановского «Любовь как метод познания» (см. ниже 3.2).

2.4. «Федр».

2.4.1. В пьесе «Тот Третий» Кржижановский пересказывает миф из заключительной части диалога «Федр» о происхождении цикад от людей, которые так увлеклись музыкой, что забыли о всем прочем и переродились в цикад (259ad)⁵⁸. Характерный нюанс: Платон говорит о рождении Муз, научивших людей пению, Кржижановский — о вселении *идеи музыки* в стебли тростника и струны лиры (что подразумевает уже не пение, как у цикад, но инструментальную музыку):

Как громко звенят цикады в траве. Мне вспомнилась вдруг старинная притча, рассказанная Платоном. Сократ и двое его учеников сидят под тенью деревьев возле ручья. И Сократ рассказывает о рождении музыки на земле. Когда *идея музыки*, говорит он, впервые поселилась в срезанных стеблях тростника и в струнах первой лиры, многие люди были так очарованы ее явлением, что *позабыли обо всем*. Свои губы они отдавали только свирели, свои руки — лишь струнам, не думая о добывании денег. Понемногу лица их истончились, тела исхудали, пальцы иссохли, как стебельки травы, голоса стали, как шуршание цикад. И вот в один из солнечных полдней, как сейчас, волею Аполлона к их плечам приросли крылья — и *они превратились в звонко поющих цикад*. Не они ли звенят сейчас вокруг нас в этой зеленой траве?⁵⁹

56. Он же. Записные тетради. III // Там же. Т. 5. С. 393.

57. Сочинения Платона... Т. 1. С. 12–13. Ср.: «Тимон Силлограф и Аристоксен не стеснялись называть Платона простым компилятором Филолаевых сочинений» (Карпов В. Н. Введение к «Тимею». С. 353. Прим. 1).

58. Ср.: Он же. Введение к «Федру» // Там же. Т. 4. С. 4.

59. Кржижановский С. Тот третий (1937) // Там же. Т. 5. С. 132.

Платон связывал стрекот цикад с речью⁶⁰. Мизансцену из пролога к «Федру» (228е–230с) Кржижановский воспроизводит как минимум дважды:

Так рассказывал мне тот веселый старик, с которым меня свело перекрестком. Но тени деревьев стали коротки и подбираются к корням. Нам лучше свернуть с дороги и переждать *полдень*. Когда оба, *отговоривший и отслушавший*, омыв руки и лица в *придорожном ручье*, сидели *спинами в теплую кору пиний*... Тени опять стали длинниться. Обод Гелиоса перевалил через зенит. Пора и нам⁶¹.

После дня ходьбы вдали, над пригнувшимися к земле маслинами, показались зубчатые стены города. Пыль и жар опадали. *Цикады* в траве пели громче, а солнце светило тише. Почти у самых ворот города, на зеленой лужайке, примыкавшей к дороге, странники увидели женщину, сидевшую на траве, среди шуршания *цикад*... Друзья решили, перед тем как войти в город, передохнуть здесь же, на лужайке... [Затем] *трое* вошли в город⁶².

Значимость деталей ландшафта и природного окружения из пролога «Федра» подчеркивал В. Ф. Эрн, влияние сочинений которого различимо у Кржижановского. В качестве важного действующего лица (впрочем, не называемого прямо) Эрн здесь указывает полуденное солнце и его жар, обсуждая применительно к этому обстоятельству возможные религиозные, метафизические и экзистенциальные мотивы Платона⁶³.

Знание «Федра» подразумевается и в теоретической работе Кржижановского «Любовь как метод познания» (см. ниже 3.1).

2.5. «Теэтет».

2.5.1. Кржижановский пишет:

«Неграмотный» Сократ. Стиль рынка, палестры и уличного перекрестка. *Система наводящих вопросов*. Стилизация речи Сократа в диалогах Платона⁶⁴.

Сократ, сын *повивальной* бабки, принадлежавший к мелкобуржуазной интеллигенции древних Афин...⁶⁵

60. Платон. Федр. 258е–259д. Ср.: Сочинения Платона... Т. 4. С. 79; Там же. С. 80.

Прим. 3.

61. Кржижановский С. Фрагменты к роману «Тот третий» (1929) // Собр. соч. Т. 5. С. 254–256.

62. Он же. Клуб убийц букв (1926) // Там же. Т. 2. С. 107, 110.

63. Эрн В. Ф. Верховное постижение Платона. Введение в изучение Платоновых творений // Вопросы философии и психологии. 1917. № 137. С. 122–125.

64. Кржижановский С. Философия и стилистика (1936) // Собр. соч. Т. 5. С. 282.

65. Он же. Воспоминания о будущем (1929) // Там же. Т. 2. С. 403.

О Сократе как сыне повитухи и его повивальном искусстве (майевтике) говорится в «Теэтете» Платона⁶⁶ и у Диогена Лаэртского⁶⁷. «Неграмотность» соответствует напускному неведению Сократа⁶⁸.

2.5.2. Как уже указывалось выше (1.1), к «Теэтету» отсылает и следующий отрывок из Кржижановского:

Это тема для философов, но не для солдат. Но вот вчера я гнал партию философов. И был среди них один, который мне понравился. Так, щуплый человечек, *в плечах лба поуже*. Но он говорил, будто весь наш мир — это бегство, отчего и почему — я не понял. Хорошая философия для полководцев.

Ср. у Платона:

Зло неистребимо, Феодор... Среди богов зло не укоренилось, а смертную природу и этот мир посещает оно по необходимости. Потому-то и следует пытаться как можно скорее убежать отсюда туда. Бегство — это сильное уподобление богу, а уподобиться богу — значит стать разумно справедливым и разумно благочестивым⁶⁹.

2.5.3. Еще раз Кржижановский отсылает к «Теэтету», когда пишет: «Платон, отрицающий слово на том основании, что при произнесении последнего его слога мир успел уже измениться со времени произнесения первого слога слова (Протагор)»⁷⁰.

В самом деле, в платоновском «Теэтете», помимо прочего, критикуется учение Протагора, отождествлявшего знание с ощущением⁷¹. При этом анализ теории Протагора встроен в контекст критики учения Гераклита о текучести всего чувственного мира. Характерной особенностью соответствующих рассуждений является то, что, обсуждая положения оппонентов и приводя собственные соображения, Сократ то и дело обращается за приме-

66. Платон. Теэтет. 148e–151c.

67. Диоген Лаэртский. Указ. соч. II. 5. С. 18; III. С. 24, 48–49, 79, 87.

68. Платон. Пир. 175D. Ср.: «Сократ прикрывается завесой совершенного неведения того дела, о котором идет речь...» (Сочинения Платона... Т. 1. С. 23–24).

69. Он же. Теэтет. 176ab / Пер. Т. В. Васильевой. Ср.: Карпов В. Н. Введение к «Теэтету» // Сочинения Платона... Т. 5. С. 306. Ср.: Плотин. Эннеады. VI. 9. 11. 47–51.

70. Кржижановский С. Философия и стилистика (1936) // Собр. соч. Т. 5. С. 281.

71. Ср.: Карпов В. Н. Введение к «Теэтету». С. 290–291, 294–295, 309; Виндельбанд В. История древней философии. С. 106–107. В книге Н. Е. Скворцова «Платон о знании... Анализ диалога *Теэтет*» значительное место отведено Протагору, его учению и реакции Платона на него, см.: Скворцов Н. Е. Платон о знании в борьбе с сенсуализмом и рассудочным эмпиризмом. М.: URSS, 2013 [1871]. С. 234–267, 279–292.

рами к языковым реалиям, а именно рассуждает о буквах, слогах, звуках, графемах⁷². Он доказывает, что если нет ничего пребывающего, то сторонники Протагора не смогут даже назвать вещь, которая непрерывно меняется как по количеству, так и по качеству⁷³.

В заключительной части диалога (206c sqq.), при рассмотрении вопроса, не является ли совершенное знание (τελεωτάτην ἐπιστήμην) парой «объяснение + истинное мнение» (τὸ μετὰ δόξης ἀληθοῦς λόγος), Сократ в очередной раз прибегает к примерам с именами и буквами. Давая три определения «объяснения», он говорит, что объяснение это: 1) выражение мысли в звуке посредством глаголов и имен⁷⁴; 2) определение целого с помощью начал (διὰ στοιχείου ὁδὸς ἐπὶ τὸ ὅλον) или разъяснение вещи с помощью элементов/букв⁷⁵; 3) указание знака или отличительный признак, по которому искомую вещь можно было бы отличить от всего остального (τὸ ἔχειν τι σημεῖον ὃ τῶν ἀπάντων διαφέρει τὸ ἐρωτηθέν)⁷⁶.

Видимо, не случайно в заочной полемике с софистом Протагором Сократ в «Теэтете» иллюстрирует свою мысль примерами из грамматики. Протагор занимался исследованиями языка, и, таким образом, Сократ спорит с Протагором, иллюстрируя сказанное примерами, в которых Протагор разбирается как специалист. О занятиях Протагора грамматикой знал и Кржижановский⁷⁷.

2.6. «Софист».

В сочинениях Кржижановского, несомненно, можно обнаружить и другие платоновские реминисценции, в том числе и пародийного плана. Например, к «Софисту» отсылают фразы:

Будем рассуждать строго логически: поскольку при поцелуе рту нужен другой рот, то этим самым вводится категория *другого*, τὸ ἕτερον, как выразился Платон⁷⁸.

Запуганные еще Платоном и Беркли феномены, которые и так хорошо не знали, суть ли они или не суть...⁷⁹

72. См.: Платон. Теэтет. 163ас, 177е, 202е–204а, 205а–206б.

73. Там же. 182d, 183ab.

74. Там же. 206d.

75. Там же. 207bc.

76. Там же. 208cd.

77. Диоген Лаэртский. IX. 52. 5–54, 3; Виндельбанд В. История древней философии. С. 105; Сочинения Платона... Т. 4. С. 95. Прим. 2 (к «Федру», 267с).

78. С. К. Клуб убийц букв / Т. 1, 102. Ср. Платон. Софист 257b и т. д. См. также рассуждение об «ином» и «другом» в Пармениде 164b — 165d.

79. Кржижановский С. Катастрофа (1919–1922) // Собр. соч. Т. 1. С. 125. Ср.: Платон. Софист. 246bc.

3. ПЛАТОН В ПЕРЕВОДЕ И КОММЕНТАРИЯХ В. Н. КАРПОВА

Выше уже не раз приводились ссылки на 2-е издание Собрания сочинений Платона в 6 томах, переведенных и откомментированных профессором Санкт-Петербургской духовной академии Василием Николаевичем Карповым (1798–1867)⁸⁰. Первые два тома (1-е изд.) вышли в 1841 и 1842 годах. Через 20 лет была начата публикация 2-го издания. При жизни В. Н. Карпова были опубликованы первые четыре тома. Пятый и шестой вышли в 1879 году уже после смерти переводчика. Примечательный факт: издание Платона курировалось Санкт-Петербургской духовной академией и печаталось в типографии духовного журнала «Странник». Более того, последние два тома увидели свет благодаря специальному постановлению Святейшего Синода, профинансировавшему их появление.

К особенностям «карповского» Платона относится его историко-филологический характер. Как отмечает сам В. Н. Карпов, ему были доступны издания Анри Этьена (*Heinricus Stephanus*, 1578) и Готфрида Штальбаума (1821/1825), комментарии Фридриха Аста (1819/1832) и немецкий перевод Фридриха Шлейермахера (который Карпов определил как на тот момент не только лучший, но и единственный хороший). В постраничных примечаниях В. Н. Карпов разъясняет текст Платона, приводя оригинальный текст (набранный по-гречески, а не латиницей).

Хотя ряд деталей заставляет предположить, что Кржижановский читал Платона не только в переводе Карпова, но и в других переводах (а возможно, и в немецких), в текстах писателя немало заимствований из введений и примечаний Карпова к диалогам Платона. Как мы покажем ниже, С. Д. Кржижановский пользовался именно этим изданием. Если ряд заимствований Кржижановского у Карпова можно отнести к числу возможных, но не исключаящих и другие источники, то в некоторых случаях можно утверждать о прямом влиянии Карпова.

80. В. Н. Карпов окончил Киевскую духовную академию (1825), после чего преподавал там философию (1831–1833). С 1833 года он переходит в Петербургскую духовную академию, где преподавал историю философии, логику, психологию и послекантовскую философию. Значительную часть жизни Карпов посвятил переводу сочинений Платона. Соч.: Введение в философию (СПб., 1840); Систематическое изложение логики (СПб., 1856). О нем: Колубовский Я. Н. Материалы для истории философии в России 1855–1888. II: В. Н. Карпов // Вопросы философии и психологии. 1980. Кн. 4. Приложения 6–12; Памяти В. Н. Карпова... Некролог и речи (СПб., 1868); Высокоостровский А. П. Покойный Карпов как почитатель сократо-платоновой философии (СПб., 1893); Он же. Характер философских воззрений проф. В. Н. Карпова (СПб., 1892).

Характерный образец возможного влияния комментариев В. Н. Карпова можно обнаружить в раннем эссе Кржижановского «Любовь как метод познания» (1912)⁸¹, где помимо других источников задействованы концепции и мотивы «Федра», «Пира» и «Государства» Платона. Приведем несколько отрывков из эссе, которые представляются нам концептуально и даже лексически восходящими к «карповскому» Платону:

1. *Пестротой* слов человек *разделяет* свою *душу* на множество способностей, наделяет их самостоятельностью и, увлеченный словосечением, часто забывает, что все эти способности только отдельные струи, временные течения в едином русле души. Мы различаем *ум* и *чувство*; познание отграничиваем от *любви*, стараясь чуть ли не противопоставить их. <...> Идеально верному *методу* может нас научить, в сущности, *только сама истина*, так как лишь тот *метод*, который дал постижение истины, может быть признан вполне проверенным и оправданным; то есть вполне верный *метод* находится человеком тогда, когда он ему, собственно, и не нужен, так как истина оказывается уже найденной и нужда в каких-либо *методах* исчезает. <...> Хочет ли человек истины или боится ее — истина медленно и непреодолимо выкристаллизовывается в нем⁸².

2. Мы стремимся к слиянию и полному отождествлению познающего с познаваемым, что является больше, чем простым сходством с сущностью любви. <...> Любовь принято рассматривать как *результат известного знания*. <...> Не любовь является следствием знания, а знание приходит как результат любви. <...> Любовь делает понятным все скрытое и иррациональное, обнажая тайный смысл любимой вещи. В любви мы идем навстречу любимому, самоотверженно ему себя отдавая и стремясь с ним слиться. <...> Какими бы путями мы ни шли к познанию, самый процесс его нельзя представить иначе, как «слияние человеческого существа с универсальным бытием»⁸³.

3. Любовь разрушает деление на «я» и «не-я», опрокидывает искусственные стенки логических определений, стремящихся раздробить и распылить бытие... любовь *интегрирует раздробленную рассудком жизнь* и дает мистическое ощущение единства,

81. Эссе впервые опубликовано в «Вестнике теософии». 1912. № 10, где подписано: С. Д. Кр-ий.

82. Кржижановский С. Любовь как метод познания // Собр. соч. Т. 5. С. 482–483.

83. Он же. Любовь как метод познания. С. 483–485. См.: «Строго гносеологически мистика может быть определена как состояние, покоящееся на тождестве субъекта и объекта, как *слияние человеческого существа с универсальным бытием*» (Бердяев Н. А. Новое религиозное сознание и общечеловеческая ответственность. СПб., 1907. С. XIII). Но ср.: τοῦ ὄλου οὖν τῆ ἐπιθυμῖα καὶ διῶξει ἔρωσ δνοα (Платон. Пир. 192e–193a).

слиянности отдельных проявлений бытия. Стремиться же *рассматривать мир как единое, а каждую отдельную вещь в нем и самого себя как часть, нераздельно с Единым связанную, и есть познавательное отношение к бытию*. Таким образом, любовь является по праву носительницей познания. (Известно, что до вступления в различные эзотерические философские союзы древности *неофиты* подвергались особому духовному экзамену — косвенно проверялась их способность к *самоотречению* и любви.) <...> Великая простота, «*Единое во многом*», другими словами, истина и есть великая награда любви⁸⁴.

4. Любовь — это сокровенный, таинственный акт, разрушающий сеть «*явлений-обманов*», стоящих между душой и миром». <...> Только любовь — как истинное познание — является *разрешающим синтезом* всех отдельных, частичных деятельностей духа⁸⁵.

5. Любовь, выявляющая смысл мира, должна быть а) *лишена мотивации* (рационалистической, половой и т. д.) и должна быть б) *всеобща*. <...> Любовь к отдельному человеку, отдельному явлению — это любовь, искусственно задержанная в своем росте, укороченная: она естественно стремится расшириться, обнять собою весь мир, заполнить все бытие⁸⁶.

6. Все, стремящиеся определить и описать чувство любви, помимо указаний на ее познавательный смысл (<...> см. у Платона в «Пире» описание Диотимы), — все вместе, от Платона до Фомы Кемпийского, изображали любовь как великую радость, как сладостный свет и награду совершенной души... Если любовь дает истинное ощущение мира и ощущение — это прежде всего радость, то не следует ли допустить, что основа мира радостна, что все воспринятое *sub specie aeternitatis*, преломленное в очищенном сознании, воспринимается как кристаллизованное благо, как затемненная нашим несовершенством идея блага, воплотившаяся во множестве? (Точка зрения на мир как

84. Там же. С. 485–486. Ср.: Платон. Федр. 250bc.

85. Кржижановский С. Любовь как метод познания. С. 487. Ср.: «Возвести созерцание Эроса к идее и из идеи развить все, что должен он заключать в своем существе, то есть изложить учение о любви *синтетически* — оставалось Сократу... Сократ намерен рассматривать предмет *не в мире явлений, а сам по себе*, то есть намерен возвести его к значению идеальному. Прием возведения понятия об Эросе к значению идеи составляет *пролог речи Сократовой*» (Карпов В. Н. Введение к «Пиру». С. 133); «Последним оратором, который возвел любовь к значению чистой идеи, является Сократ» (Там же. С. 123).

86. Кржижановский С. Любовь как метод познания. С. 487–488. «Эротематический метод» (как определяет его Карпов) восхождения от чувственного и разрозненного к умному и единому ярко описан в «Пире» 210ad, где Диотима говорит Сократу о степенях восхождения от любви к одному прекрасному телу, к красоте как таковой. Ср.: Карпов В. Н. Введение к «Пиру». С. 142.

на проявление идеи блага высказана впервые Платоном. См. его «О государстве»⁸⁷.)

7. Постигающая мысль — это чистое жертвоприношение Афродите Небесной — и высшая, наиболее рафинированная форма искания истины⁸⁸.

Эссе «Любовь как метод познания» Кржижановского представляет собой амальгаму различных влияний. На поверхности — характерный для начала XX века набор источников: Спиноза, Декарт (в изложении Н. Я. Грота), Бердяев, Куно Фишер. Тем не менее, как мы постараемся показать далее, базисом и важной компонентой рассуждений Кржижановского является учение об эроте у Платона. Действительно, в своем эссе Кржижановский прямо отсылает к «Пиру» (Диотима, Афродита Небесная) и «Государству». Однако если внимательно взглянуть на приведенные выдержки, то представляется, что «Пир» преобладает во фрагментах 2, 4–7, тогда как во фрагментах 1 и 3 различимо влияние «Федра».

3.1. «Федр». В эссе Кржижановского нет прямых отсылок к «Федру» (в отличие от отсылок к «Пиру»). Однако можно предположить, что текст диалога и примечания В. Н. Карпова оказали свое влияние как на образном, так и на теоретическом уровнях. Теоретическое воздействие проявляется в следующем. В «Федре» Сократ произносит две речи (рассуждения): первую — о чувственной любви, вторую — о любви божественной. Он настаивает, что правильная речь/рассуждение имеет диалектический характер: она должна быть способной возводить частное к общему (к идее) и общее делить на части (виды). Можно предположить, что Кржижановский свободно воспроизводит упомянутые мотивы и приспособливает их для своих целей. Он пишет о том, что рассуждение и слова дробят мир и душу, тогда как любовь является соединяющим началом, позволяя видеть «единое во многом». Кроме того, в эссе Кржижановского рассуждения об эротическом поиске и возведении чувственной множественности к умопостигаемому единому, характерные для «Пира», сочетаются с образом посвящения в таинства, что является отличительным признаком «Федра». В поддержку «федровского» влияния можно привести и следующие доводы. Если непосредственное влияние текста платоновского диалога на Кржижановского остается вопросом дискуссионным, влияние примечаний

87. Кржижановский С. Любовь как метод познания. С. 488–489.

88. Там же. С. 493.

В. Н. Карпова к обсуждаемому разделу диалога гораздо более очевидно. В самом деле, в «Федре» Сократ говорит о двух видах познания и двух видах любви:

Кто постигает искусством силу тех *двух... родов* [речей-рассуждения], тот не будет неблагодарен... [Первый род — это когда]: смотря на одну идею (ιδέα), стараются подвести под нее рассеянное (τὰ πολλαχῆ διασπαρμένα), чтобы, определяя каждый предмет, выяснить, чему хотят учить, подобно тому как теперь об Эросе... определено, что такое он... Другой [род], наоборот, состоит в умении делить предмет на виды (κατ' εἶδη)... В тех двух речах [о двух видах любви]... первая... дотоле не остановилась в делении, пока не нашла... [чувственной] *любви* и по надлежащему не побранила ее; а вторая [речь]... открыла... божественную любовь и, выставляя ее на свет, восхвалила как причину величайших благ... Этих-то делений и соединений (διαρέσεων καὶ συναγωγῶν), Федр, я и сам поклонник (ἑραστής) — это помогает мне говорить и мыслить. И если я кого-нибудь почитаю способным всматриваться в *одно и многое* по природе, то гоняюсь «за ним по пятам, как за богом»... Людей, могущих это, я доньше... называю диалектиками (διαλεκτικούς)⁸⁹.

Представление о любви не просто как о познании, но как о *методе* познания инспирировано у Кржижановского не приведенным выше текстом Платона (который не использует термин «метод»), но примечаниями В. Н. Карпова к этому месту. Комментируя слова о «двух родах» (265d), Карпов пишет:

Здесь, очевидно, говорится о двух *методах познания* — синтетической и аналитической: первую греки звали θεωρίαν или μέθοδον συνθετικῆν, а вторую — μέθοδον διαρετικῆν. Arist. Top. 1711, 2. Одну из них Сократ выдержал в первой своей речи, другую — во второй⁹⁰.

Опять же слова Кржижановского «рассматривать мир как единое... единое во многом» (фр. 3) соответствуют не столько «Федру» (266b), сколько примечанию Карпова к этому месту:

Всматриваться в одно и многое по природе — εἰς ἓν καὶ πολλὰ ὁρᾶν. Эти слова Платон понимает не просто как логическое правило деления и соединения понятий, но как диалектическую *методу* исследования самих вещей. Всякая вещь по своей природе есть *одно и многое*: одно в ней — идея, обнаруживающаяся

89. Платон. Федр. 265c–266c.

90. Сочинения Платона... Т. 4. С. 91. Прим. 1. Возможно, отражением лексики этого примечания Карпова являются и слова Кржижановского о «разрешающем синтезе» (фр. 4).

единством внешней формы; многое — части ее, которые, будучи взяты сами по себе, опять суть идеи и, следовательно, опять содержат в себе многое⁹¹.

Наконец, упоминание Кржижановским «неофитов» (фр. 3) объяснимо только из примечания Карпова (к 250b: *Мы наслаждались дивным видением и зрелищем и посвящены были в тайну... как непорочные*):

Это выражение приурочено к обрядам *при освящении инициатов в таинства*. Инициаты должны были отличаться чистотой и непорочностью души. Прежде чем вводили их в сокровенный смысл оргий, им позволялось видеть только образы богов, фэсэата. В таинстве посвящения душ в жизнь блаженную этим образам или видениям Платон уподобляет идеи, представляемые созерцанию человека философией⁹².

(Кроме того, слова Кржижановского об «эзотерических философских союзах» отсылают здесь к еще одному его источнику — В. Виндельбанду, рассуждающему о роли мифа у Платона, который, по мнению Виндельбанда, использует миф для согласования религиозных представлений мистериальных культов со своим философским учением о двух мирах⁹³.)

Представление Кржижановского о единой душе, ставшей «пестрой», поскольку ее единство подверглось «словосечению», то есть рассечено словесами/рассуждениями и знаниями (фр. 1), также имеет соответствия в «Федре» и в примечаниях В. Н. Карпова:

...располагать и украшать свою речь так, чтобы *разновидной* душе высказывать разнообразные и совершенно стройные... мысли (Федр. 277bc).

Разновидной душе... разнообразные и совершенно стройные... мысли — ποικίλη μὲν ποικίλους ψυχῆ καὶ παναρμονίους... λόγους. Слово ποικίλος употребляется для выражения разноцветности в природе, искусствах, одеждах и проч. Прилагаемое к душе, это слово метафорически означает душу, обогащенную различными познаниями, образованную и действующую под условиями светских приличий. Для такой души и нужна *речь*⁹⁴.

Поскольку Карпов приводит греческий текст, это позволяет Кржижановскому использовать в своем тексте более точный пе-

91. Платон. Парменид. 157, 158. См.: Сочинения Платона... Т. 4. С. 92. Прим. 2.

92. Там же. С. 63. Прим. 3.

93. Виндельбанд В. Платон. С. 132–133.

94. Сочинения Платона... Т. 4. С. 112. Прим. 1. Ср. также: Там же. С. 83. Прим. 1 (к «Федру», 260e).

ревод для ποικίλος — «пестрый» (из примечания), а не прилагательное «разновидный», фигурирующее в тексте диалога.

3.2. «Пир».

3.2.1. Другим важным источником рассуждений Кржижановского о любви-познании является диалог Платона «Пир». Собственно, рассуждая о том, что любовь связана с познанием, Кржижановский сам ссылается на речь Диотимы (фр. 5)⁹⁵. Возможно, внимание Кржижановского к личности Диотимы было привлечено в том числе потому, что В. Н. Карпов специально пишет:

Сократ... прикрывает свое учение авторитетом мантинейской жрицы Диотимы, у которой научился он, говорит, так смыслить об Эросе... В лице этой женщины является служительница богов, которая поэтому считает справедливым изучать природу Эроса на пути отношений человека к миру метафизическому... Жреческим значением Диотимы делается наведение на мысль и о направлении стремлений Эроса не от людей к людям, а к прекрасному божественному... Диотима как жрица... как окрыленная религиозным восторгом философка...⁹⁶

Еще одна отсылка к «Пиру» — упоминание Кржижановским Афродиты Небесной из речи Павсания⁹⁷. Внимание Кржижановского к этому месту диалога Платона могло быть привлечено примечаниями В. Н. Карпова, который специально комментирует это место⁹⁸.

Наконец, когда Кржижановский сравнивает различные способности души с «отдельными струями, временными течениями в едином русле души», его необычные водные ассоциации применительно к душе тоже могут восходить к «Федру» и «Пиру»⁹⁹.

3.2.2. Возможно, одно из сравнений, используемых Кржижановским в «Философеме о театре», инспирировано чтением примечаний В. Н. Карпова к «Пиру». Говоря о (мистериальном) *бытии* метафизиков, *быте* обывателей и *бы* мира фантазии, Кржижановский замечает, что мир сцены и мир зритель-

95. Платон. Пир. 201d–212b.

96. Сочинения Платона... Т. 4. С. 134.

97. Платон. Пир. 180d.

98. Сочинения Платона... Т. 4. С. 126–127.

99. О «переливании» мудрости от одного человека к другому: Платон. Федр. 253a; Пир. 175d. Вместе с тем см.: «Итак, что же такое время? Русло времени в нашей душе, и по этому руслу текут события, факты, совершающиеся в пространстве» (Челпанов Г. И. О природе времени // Вопросы философии и психологии. 1983. № 19. С. 54).

ного зала могут перетекать друг в друга: «так *нить*, соединяющая два сосуда, жидкость в которых на разных уровнях, вскоре их нивелирует»¹⁰⁰. О ткани, посредством которой жидкость может перетекать из одного сосуда в другой, говорит Платон в «Пире». Однако он не приводит деталей (сказано только: «через шерсть»)¹⁰¹. Напротив, в примечании к этому месту детали приводит В. Н. Карпов:

Подобие представляет две соприкасающихся своими краями чаши, из которых одна наполнена водою, а другая пустая. Внутренние полости этих чаш приведены в сообщение мокрой шерстяною *покромкою* так, что один конец ее опущен в чашу с водою, а другой в чашу без воды. В таком случае вода из чаши полной должна через шерстяной проводник переходить в чашу порожнюю¹⁰².

Здесь «покромка», то есть полоска ткани, впоследствии превращается у Кржижановского в «нить».

На этом мы завершаем анализ того, как личность и учение Платона отразились в сочинениях и на мировоззрении Кржижановского. Каким образом платоновские метафизика и теории, будучи восприняты и трансформированы на образном уровне, получили самостоятельное бытие в художественной прозе Кржижановского и *превратились в сюжеты*, будет рассмотрено в отдельной работе. Предпринятый обзор не исчерпывает всех случаев платоновского влияния, но уже отмеченных примеров достаточно, чтобы говорить о глубоком и длительном воздействии. Историкам философии свободная манера обращения с наследием Платона, присущая Кржижановскому, может показаться легкой. Но подобная легкость достижима только при свободном владении материалом, обладании знанием, которое (в истинно платоновском смысле) черпается из памяти, а не из книг, когда точность деталей уже не важна, но главная становится верность идее. Умозрения и теории не воспринимались Кржижановским как интеллектуальные схемы. Они были живыми, они значили, обладали ценностью. Серьезность отношения к проблемам и темам, которые, казалось, навсегда ушли в прошлое, в эпоху, когда независимость мышления и право на «все 64 модуля силлогизма» отменялись, дорого стои-

100. Кржижановский С. Философема о театре // Собр. соч. Т. 4. С. 56.

101. «Сократ: Прекрасно было бы, Агатон, если бы мудрость была такова, что из полнейшего между нами текла (ρεῖν) бы в пустейшего, когда мы прикасаемся друг к другу, как вода в чашах из полнейшей *через шерсть* течет в пустейшую» (Платон. Пир. 175d).

102. Сочинения Платона... Т. 4. С. 151. Прим. 1.

ла. В обстоятельствах, в которых находился писатель-философ, преданность классическим ориентирам и ценностям обрекала его на заведомое непонимание современников и одиночество. За право оставаться собой Сигизмунд Кржижановский заплатил прижизненным забвением. Подобно некоторым своим персонажам, он предпочел повернуться спиной к окружавшим его видам небытия, чтобы иметь дело с бытием истинным; предпочел стать текстом, зачеркнуть себя *здесь*, чтобы существовать *там* — в стране, где вещи не отбрасывают тени¹⁰³.

103. Кржижановский С. Страна негов (1922) // Собр. соч. Т. 1. С. 265–276. См. также: Петров В. В. История Невольного переулка: к рассказу С. Д. Кржижановского // Toronto Slavic Quarterly. 2012. № 41. С. 97–102; Кржижановский С. Невольный переулок. С. 128. Прим. 64. Об онтологической триаде «бытие — быт — бы» и соответствующем ей комплексе идей у Кржижановского см.: Петров В. В. С(игизмунд) К(ржижановский) | Красный С(нег) // Toronto Slavic Quarterly. 2011. № 35. С. 125–136, 152–156.